

Рождение Хранителя

Вокруг всё стремительно меняется. Засилье Интернета, соцсети, криптовалюты, легковушки общего пользования... И в то же время всё остается как прежде. Бесхребетность. Инфантилизм. Иждивенчество. Недовольство собой и властями, которое ничему не учит и ни к чему не обязывает. Неумение и нежелание по-настоящему трудиться для других, ради других и во имя других. Особенно на Западе. И полное отсутствие смысла жизни.

... Арконий бы типичным представителем офисного планктона. От других ничем не отличался. Ну, может, в мелочах. Любил валяться на диване, ничего не делая. Всё свободное время, которого у него было навалом, особенно на работе, проводил во всемирной паутине. Если, по недоразумению, случалось включить телевизор, глядел всё подряд. А когда фирма устраивала поездку на другой конец материка, за 7-8 часов пути умудрялся посмотреть в ускоренном режиме, плюясь, все киноновинки и старые добрые хиты, которые крутили на борту.

И всё-таки была в нем изюминка, на которую он до поры до времени не обращал внимания, хотя она и резала глаз. Довольно часто он и его друзья собирались посидеть в сауне или просто потравить анекдоты да попить домашнее вино и под это дело засиживались за картами далеко за полночь. А то и сутками не ложились спать. Играли, естественно, на деньги. Так вот, Арконий почему-то всегда знал, что кому сдали, и, при желании, мог бы обирать товарищей как липку. Только ему это было не нужно. Он, наоборот, из раза в раз делал так, чтобы никто не пострадал и все остались в добром расположении духа и при своих. Дружба, она ведь вещь хрупкая.

К тому же Арконий никогда не напивался. Конечно, как и все, он обожал тяпнуть для сугреву. Любил длинные забористые восточные тосты со смыслом, которые никогда не надоедали. Теплые и мудрые. Никогда не отказывался поддержать компанию. Вместе с тем, в него как будто был встроен механизм, который безошибочно подсказывал ему, что пора остановиться. Однако это еще не всё. Своеобразие механизма заключалось в том, что с его помощью Арконий, стоило ему только захотеть, мог удержать от перепоя любого. Иногда эта его способность оказывалась жутко востребованной.

Вообще-то были и другие мелочишки, расцвечивающие жизнь Аркония неожиданными красками, которые он воспринимал как должное. Задумываться о них и что-то подозревать он начал лишь тогда, когда его стали посещать странные видения. Даже не видения, а непонятно что. Ему начало мерещиться, будто он в доме не один. Или как бы не один. Или что ему что-то снится наяву.

Он валялся в постели, тщетно уговаривая себя из нее вылезти, набирал на компьютере банальные тексты по работе, подогревал пиццу в духовке и вдруг ощущал, будто у него за спиной появился кто-то легкий, воздушный, эфемерный. Или бросал взгляд через плечо, резко обернувшись, и ему казалось, будто что-то мелькнуло и растаяло в воздухе. То ли паутинка. То ли оторвавшийся от лучика солнечный зайчик. Хотя, не исключено, и что-то более материальное. Только очень быстрое и неуловимое.

По прошествии какого-то времени, как только он перестал дергаться и удивляться, Арконию удалось воссоздать образ прелестнейшего существа, поселившегося у него в квартире. Хотя, скорее, оно убедилось в том, что он его больше не боится, к нему привык, и перестало убегать, скрываться и прятаться.

Больше всего видение походило на птицу-Гамаюн или какую-то иную женщину-птицу. В древних мифах Арконий разбирался плохо, дельную подсказку ему в Интернете отыскать не удалось – там всё было примитивно и запутано. А потом перестал задаваться ненужными вопросами. Зачем? Она ведь ему зла не желает. Это очевидно. Почему выбрала именно его, либо сама расскажет, либо выяснится само собой.

Главное – она ему приглянулась, если не больше. Наверное, и он ей тоже. В ее присутствии он не испытывал ни малейшего стеснения или неудобства. Каким-то сказочным или магическим образом, как, он точно сказать не мог, она затронула скрытую струну в его душе. В ее красоте, привлекательности и совершенстве он ни секунду не сомневался.

Она действительно отвечала самым заоблачным эстетическим критериям. Ее когтистые птичьи лапы отличались потрясающим изяществом. Они казались выточенными из слоновой кости. Причем самыми искусными в мире мастерами. Мощный размах крыльев свидетельствовал о недюжинной силе и уверенности в себе. От одного взгляда на ее крепкую фигуристую грудь, наполовину птичью – наполовину женскую, перехватывало дыхание. А от прекрасного, светлого, чарующего лица с выразительными, нежными, бездонными глазами невозможно было взор отвести.

Наверное, поэтому, а, может, и потому, что ему на роду было написано, Арконий с каждым днем привязывался к Сои – так он назвал ее, когда убедился в том, что всё-таки наяву, а не во сне – всё сильнее и сильнее. Сначала она облюбовала себе верхнюю крышку концертного пианино и трюмо, на которых вольготно восседала, а потом всё чаще стала перебираться к нему на плечо. Так ей нравилось куда больше. Да и он ни на что не променял бы ни ее нежные прикосновения, ни исходившее от нее тепло, ни тот душевный подъем, который он всякий раз испытывал, когда она таким образом выражала ему свое доверие.

А потом началось действительно необычное. Как-то Арконий вернулся домой из французской пекарни, зайдя по дороге на рынок, с прорвой вкуснейших вещей. В его планах было устроить пир для Сои и для себя. Войдя, он сразу же рванул на кухню – мыть, резать, парить, жарить. Обычное дело. Для одних приятное, для других – не очень, но всеми на свете и им, в том числе, миллионы раз повторяемое. Не предполагающее никаких подвохов. Абсолютно. Как вдруг приготовленные им салаты и нарезка, а за ними и все остальные продукты начали исчезать.

Арконий совершенно обалдел. Он застыл с выпученными глазами, наблюдая за тем, как все его кулинарные изыски растворяются в воздухе. Ни малейшей идеи по поводу того, что происходит и что можно было бы предпринять, не приходило ему в голову. Даже самой примитивной. Например, о том, что надо протереть глаза. Или выйти из кухни и потом зайти туда снова. А лучше схватить любую тряпку, подвернувшуюся под руку, и броситься махать ею направо и налево. Либо просто так, для профилактики, либо чтобы прогнать наваждение.

Почувствовав неладное, Сои, добропорядочно дожидавшаяся его в столовой, которая была

одновременно и гостиной, и спальней, и рабочим кабинетом, примчалась ему на выручку. Правда, слишком поздно: от угощения уже ничего не осталось. Зато она сразу сообразила, что случилось, и напустилась на Аркония. Ласково подшучивая над ним и стараясь одновременно урезонить.

- Аркин, любимый, разве так можно? - задала она, покачивая головой, казалось бы, риторический вопрос.

- Что можно? - уставился он на нее, делая вид, будто ничего не понимает, хотя в глубине души мгновенно догадался, о чем она ведет речь.

- Ты должен был их остановить! - пожурила она его, обольстительно и лукаво улыбаясь.

- Кого их? - Чтобы заставить Сои сказать что-нибудь более определенное, Арконий продолжил разыгрывать из себя отпетого несмышленища, которым, конечно же, никогда не был.

- Да какая разница, кого именно! Этих воров и нахлебников из потустороннего мира может быть сколько угодно. Главное - не давать им спуска. Иначе они поверят в свою безнаказанность и совсем разойдутся. Наша с тобой трапеза гурманов, Бог с ней - мы себе еще лучше вечер при свечах устроим. А у других они действительно что-то ценное похитить сподобятся. Что-то, без чего нельзя. На чем человеческие связи или даже всё мироздание держатся.

- Ух, ты, - ахнул Арконий от такой завораживающей перспективы. - Хорошо, допустим. А с чего ты взяла, что я могу остановить этих, из подземного мира или откуда-то еще?

- Потому, Аркин, что ты можешь всё. Абсолютно всё. Тебе всё дано. Тебе всё позволено. Твои возможности безграничны. Поверь мне!

В том, что это не пустые слова, Арконий убедился уже следующей ночью. Он преспокойненько спал, когда его будто что-то выбросило из кровати. Беда, понял он. На работе случилось какое-то ЧП. Надо ехать.

Когда он выскочил из подъезда, начальница отдела, в котором он трудился, уже ждала его. Машин на улицах в это время суток было чуть меньше, чем обычно, так что они домчались в мгновение ока.

Весь молодняк из их подразделения сгрудился в приемной, галдя и ничего не предпринимая. Как он давеча. Между ними на диванчике плашмя лежал отдаленно знакомый ему мужчина. То, что он кровный брат одной из красавиц отдела и поэтому укрылся в здании фирмы, Арконий сообразил, не задавая никому никаких наводящих вопросов.

При их появлении бедняга попытался сесть, но со стоном повалился обратно на диван, вызвав дополнительный переполох. На губах у него выступила кровавая пена. Глаза закатились.

- Очистить помещение, - рявкнул Арконий начальственным голосом. В нем чувствовалась такая железная воля, что его моментально послушались. Они остались втроем. Начальница расстегнула у несчастного рубаху на груди и тут же отшатнулась от открывшегося ее взору кровавого месива.

Аркиний положил парню руки на голову, и его пронзила испытываемая им дикая боль. Его преследовали. За ним гонялись. Ему длительное время удавалось скрываться. Но его всё-таки настигли. Теперь он умирал.

Вызывать полицию было бессмысленно. Звонить в скорую – слишком поздно. Вместе с ним уходил целый мир. Человечество теряло вселенную, переполнявшую его. Вселенную добра. Красок. Чудес. Сокровенного. Несбывшегося.

Каждая секунда колебаний приближала развязку. Нерасторопность грозила непоправимым. Медлить было нельзя. И Аркиний решился попробовать, памятью о наказе Сои.

- Распахни окна, – попросил он начальницу. А сам встал над доверившимся им Светлым, простер над ним ладони и направил на него поток целительной энергии. Золотистая река с серебристыми и бирюзовыми вкраплениями потекла из окон, закрутилась вокруг Аркиния как водоворот и устремилась к спасаемому.

Уже через несколько секунд тому стало заметно легче. Сломанные кости срослись. Кровавые раны зарубцевались. На помертвевшем лице появился румянец. Его жизнь теперь была вне опасности.

И тут произошло то, чего Аркиний никак не ожидал. Начальница вошла в золотистый поток, бежавший к нему, пустила его в себя и оборвала. Аркиний почувствовал себя так, будто из него выпили все соки. От слабости он закачался и прислонился к письменному столу, за которым в будни величественно восседала та самая красавица. Начальница же, превратившись во что-то пугающе чудовищное, всё пропитанное украденной ею волшебной силой, легким грациозным движением выпорхнула из окна и исчезла.

Дома Аркиния ждал неизбежный разбор полетов. Сои сидела хмурая, нахохлившаяся, сердитая. Однако, как он быстро с облегчением уловил, не особенно.

- Пусть это будет тебе уроком, – сказала она. – В любой ситуации, всегда включай панорамное видение. Без этого ничего не предпринимай. Не зацикливайся только на себе, на своих переживаниях и тех, кому помогаешь и кого спасаешь. Иначе тебе могут помешать или обратить во зло твои страсти, желания, энергию и добрые намерения.

- Слушаюсь и повинуюсь, моя королева, – с благодарностью впитал в себя Аркиний ее напутствие. И тут же провалился в следующее сновидение.

На это раз они были вдвоем. Их окружала бескрайняя пустыня. Изнуряющая жара отнимала последние силы. Солнце пекло неумолимо. Куда и зачем они бредут, потеряло для Аркиния какое-либо значение. Он мечтал лишь об одном, чтобы эта пытка поскорей закончилась.

- Зачем это новое испытание? – пробормотал он пересохшими губами, как бы вовсе не обращаясь к Сои.

- Это похоже на квест, – предположила она. – Нам надо что-то найти по пути. Что-то очень важное. Во всяком случае, не допустить или предотвратить. А может быть, создать.

- Если создать, то не проблема, – воспрял Аркиний. И тот час же в двух шагах от них возник

образцовый всамделишный оазис. С чистой водой, вкуснее которой сложно было себе что-то вообразить. С роскошными пальмами, в тени которых было так здорово укрываться от зноя.

Когда они напились вдоволь, накупались и залегли под опахалами, Сои вернула их к суровой действительности.

- Здесь что-то не так. Нам всё равно что-то надо найти, чтобы встретить грядущую опасность во всеоружии. Давай разведаем, что прячут ближайшие барханы. Что есть вокруг оазиса.

- Запросто, - откликнулся Арконий. Однако вместо того, чтобы удаляться от оазиса, он полез на вершину самой высокой пальмы. Оттуда легче было всё рассмотреть. Сои последовала за ним.

Их взорам предстало страшное зрелище. С двух сторон к оазису приближались армады кочевников. Именно армады, потому что воинов было не счесть. Облако песка, поднятое ими, простиралось насколько хватало глаз.

У оазиса они сошлись. Началась сеча. Бессмысленная. Жестокая. И бесконечная. Вскоре чаша оазиса до краев налилась кровью. Пальмы пожухли. Всё пространство вокруг усеяли трупы.

- Как ты можешь оставаться безучастным созерцателем? - взбеленилась Сои. - Ты, Творец и Защитник!

Она взмахнула крыльями и вернула их в ту точку во времени, когда они взобрались на вершину самой высокой пальмы. Как только Арконий узрел сближающиеся армады, он принялся за дело. Глубочайшая расщелина от горизонта до горизонта пролегла между ними, вынудив их остановиться. Молнии засверкали с чистого неба, заставив воинов пасть на колени.

В следующее мгновение, разделившись, они уже беседовали с предводителями обеих кланов. Договор о вечном мире, заключенный тогда с их помощью, соблюдался дольше, чем любые другие соглашения. А созданная по их совету Империя простояла века. Она оказалась намного прочнее основанных методом войн и завоеваний.

У Аркония и Сои получилось всё так здорово, что волшебство продолжалось и после их возвращения домой. Под его страстным любящим взором женщина-птица, сотканная из его грез и магических заклинаний, превратилась просто в женщину. Обворожительную и обожаемую. Которая сразу прильнула к нему в ответном порыве, что с наслаждением собиралась делать отныне всю оставшуюся жизнь. Подтрунивать над ним на этот раз и говорить, что догадаться поступить так можно было и пораньше, она не стала. Это было теперь не к чему. Рождение Хранителя состоялось.